

ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА КАК ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Выбор князем Владимиром христианской религии в византийской версии определил векторы тысячелетней истории русских, белорусов и украинцев. Исторические драматические катаклизмы не смогли сломить остов православной религии в восточнославянском культурном комплексе и восточной ориентации современных государств. Христианский каркас сохранился в нравственной парадигме восточных славян, в Кирилло-Мефодиевском наследии современного русского литературного языка, в литературе, зодчестве, живописи, музыке. Несмотря на то, что у современных восточнославянских народов в большей или меньшей степени произошел раскол единого культурного и политического пространства, они по-прежнему не принимают западноевропейский вектор своего развития как единственно возможный. Слова князя «Идете опять, яко отци наши сего не приняли суть», сказанные римским послам, по-прежнему остаются актуальными. Именно поэтому имя князя Владимира единственно возможным для символизации России, Беларуси и Украины.

1. Уровень культуры восточных славян до принятия христианства. В VI-VIII в. у восточных славян появились города, деревянное зодчество, они имели развитую материальную культуру, крепкие художественные традиции, тонкое восприятие красоты. Сложившийся культ природы воспитал чувство гармонии, единение человека с природой. Славяне имели соборный менталитет, развитую космологию (Збручский идол), сложную систему языческих верований и обрядности, разработанную символическую цветовую гамму белого, красного, черного цветов. Да и сама наружность древних русичей была красивой. Ибн-Фадлан писал о том, что он не видел людей физически более совершенных, с телосложением, напоминающем молодые деревья (1 с. 28).

Высокая культура восточных славян предполагает наличие определенной системы письма для заключения международных договоров. Исторические сведения о наличии у восточных славян письменности восходят за два столетия до принятия христианства как официальной религии. Арабский путешественник Ибн Фадлан в своих сочинениях указывал, что во время путешествия в славянских странах 921 году он

видел обряд похорон руса, в котором использовались какие-то письмена. Второй арабский путешественник Эль Массуди видел в 956 году в храме русичей пророчество, начертанное русскими письменами. Черноризец Храбр в своем «Сказании о письменехъ» указывает на то, что русичи писали «чертами и резами», «без устройства», т.е. использовали руническое письмо, греческий и римский алфавиты для своей письменности. В «Паннонском житии» св. Кирилла (Константина) сказано, что около 860 года св. Кирилл, библиотекарь патриаршей библиотеки, выполнял дипломатическую миссию к хозарям, жил в Херсонесе (около совр. Севастополя) и там встретил русина, который читал «Евангелие», написанное «рускими письмены». В том же Херсонесе св. Кирилл научился этой грамоте (и даже взял с собой рукописную книгу, написанную по-русски?), а также нашел мощи св. Климента, третьего римского христианского епископа, которого в 101 году римский император Троян сослал в Херсонес, где Климент и умер, закованный в цепи. Именно по цепям и определил св. Кирилл мощи св. Климента. Потом, в 867 году оба брата с переведенным на старославянский язык Новым Заветом и мощами св. Климента едут в Рим из Паннонии, где они занимались миссионерством и вместе с учениками переводили первые христианские тексты с греческого языка на славянский. Святой Кирилл дарит мощи св. Климента папе Андриану II и просит его осветить старославянский язык как сакральный. Андриан не смог отказать Кириллу после такого подарка; так появляется четвертый сакральный язык, которым было можно пользоваться в христианской службе: греческий, латинский, древний еврейский и старославянский. Четырехлетний младенец становится сакральным и литературным языком всего славянского мира. К 988 г. древние русичи спорадически знали старославянский язык и христианскую религию в восточном варианте.

Причины принятия христианства. В X в. Древняя Русь решала задачу политической централизации государства. «Лоскутная империя», по словам К. Маркса, имевшая центральную политическую и международную магистраль «путь из варягов в греки» (Новгород – Полоцк – Киев) должна была консолидировать свою силу и выбрать основных политических союзников. С этой целью князь Владимир предпринял религиозную реформу: собрал в Киеве весь корпус языческих богов, которым поклонялись язычники-

русичи, но эта попытка не увенчалась успехом, т.к. состав богов одного ранга не способствовал единению государства. Для этого нужна была моноцентрическая религия. Именно для выбора одной из моноцентрических религий (христианство в западной или восточной версии, магометанство, иудаизм) св. Владимир заслушивает представителей данных религий и посылает свои посольства с целью ознакомления и последующего принятия решения. Выбор пал на византийское христианство.

В чем преимущества моноцентрической религии (византийского варианта) перед языческой? 1. Она обладает центроостремительной силой, объединяющей и консолидирующей этнос в единое целое (Един Бог – един великий князь). 2. Христианство является договорной религией. При соблюдении законов общественного «устройства», данных Богом («скрижали» Моисея, законы, заветы, заповеди Христа), Бог становится гарантом благополучия народа. 3. Христианский догмат о вочеловечении Христа ставил образ человека чрезвычайно высоко. Дамаскин: «Естество человека выше естества ангельского, т. к. «не сделался Бог ангелом, но сделался Бог естественным и истинным человеком». 4. Дает свободную волю человека, который самостоятельно определяет свой путь – праведный, трудный и узкий нравственного очищения восхождения, и неправедный, широкий и легкий, приводящий к духовной гибели; 5. Раскрывает понимание долга и желания и баланса между ними. Служение долгу (я должен!) всегда стабилизирует культуру, этнос, государства; приоритет желания (я хочу!) неизбежно приводит к гибели (расточению) страны, народа и культуры. Религия отвечает на вопрос «Что делать?» и «Кто виноват?». 6. Подчиняет физический, реальный мир и ценности этого мира (мимотекущего) миру духовному, трансцендентному и его ценностной шкале (вечному во времени и пространстве); 7. Отражает христианскую «демократию»: единые правила нравственного поведения от социального властного верха до социального низа; 8. Имеет высокий этосный уровень, религия любви и милосердия (апостол Павел о любви). 9. Дает осмысление линейного исторического времени: от сотворения мира до второго пришествия Христа; 10. Христианство – книжная религия, требующая для духовного воспитания распространения грамотности у всех верующих. 11. Высокий эстетический уровень христианской культуры в ее

православной ипостаси, который очень гармонировал чувству прекрасного восточных славян. Эстетическая компонента православной религии явилась важной составляющей среди других, определивших решение Владимира выбрать православную христианскую веру (*И ... ведоша ны, идеже служат богу своему, и не свемы, на небе ли есмы были, ли на земли: несть бо на земли такого вида ли красоты такая ... токмо то вемы, яко онъде богъ с челоуки пребываетъ ... не можем забыти красоты тоя*) [2, с. 122, 124].

Христианская культура Византии перед принятием христианства. Ко времени принятия христианства на Руси византийская христианская культура достигла своего наивысшего расцвета.

1. Появляются два типа храма. Первый разрабатывается на основе римских базилик – базиликальные храмы со средним нефом, впоследствии с трансептом (поперечным нефом), который был разработан архитекторами востока, второй тип храма круглый однокупольный с крестообразными сводами (зодчие Ирана, Грузии, Армении). Арка, купол, свод – важные архитектурные формы – развились прежде всего в Иране и стали достоянием светского и, прежде всего, христианского храмового строительства. Трехнефная София Константинопольская 532-537 годов, созданная при Юстиниане и его матери (70 м. на 70 м.; высота 50 м., диаметр купола 51 м., 40 окон у основания купола, 40 тысяч фунтов серебра и золота, использованных для ювелирных работ в алтаре, колонны из порфира и зеленого мрамора), служит ярким примером христианского зодчества. В отличие от небольшого языческого греческого храма, предназначенного для статуи божества и жрецов, христианские храмы стали огромным местом соборного действия верующих. Христианский храм становится символом мироздания: небо (рай) – земля – страшный суд, эсхатология. Создано внутреннее пространство храма: купол с полуфигурой Христа Вседержателя, апсида с Богородицей Орантой с поднятыми вверх руками (молитвенница, заступница); на сводах, по столбам, парусам выстраиваются архангелы, патриархи, апостолы, пророки, отцы церкви, мученики, святые; изображаются эпизоды из жизни Христа и Богородицы, ветхозаветные сцены.

2. Прделана огромная работа по распределению света в храме, достижения светового объема, глубины света и цвета, игры, проникновения света в цвет и цвета в свет. Свет во всех его градациях, золотой фон мозаик создали иллюзию

сверхчувственного, потустороннего мира, в котором линейные фигуры как бы парят в нематериальной среде [1, с.17]. Свет, цвет, ритм линий и плоскостей составляли основу изображения фронтальных фигур и композицию мозаик, икон, фресок.

3. Созданы новые художественные формы раскрытия духовной сущности мира: мозаика, иконы, фрески.

4. Разработан канон изображения лиц и телесного состава, который раскрывал трансцендентную идею, прототип, творческую мысль Бога, неизменную сущность, а не единичное явление. Фрески, мозаика раскрывали высокий антропоморфизм духовной сущности человека, подчинение физического начала духовному, тела духу, выраженный в аскетизме. Но в некоторых произведениях христианского искусства отражается античное равновесие между телом и духом. Примером может служить мозаичное изображение Ангела Дюманиса в церкви Успения в Нике в Малой Азии VII в. В 1922 г. во время греко-турецкой войны была уничтожена церковь Успения и изображения четырех ангелов – «четырех небесных сил». Остались только фрагменты. Живописная композиция Дюманиса строится на ритме световых пятен и бликов. Сочетание несочетаемого, духа и материи, подчинение материи духу (притушить тело) проявилась в новой системе изображения человека. Фигуры линейны, фронтальны, как бы бестелесны, лишены объема и веса, статичны, приобретшие вневременную значимость. Новое византийское искусство, обретя свой стиль, в своей основе осталось до конца неизменным. Разработанные каноны зрительного ряда каждой религиозной темы сохраняли незыблемость раскрытия духовного мира [1, с. 18].

Художественная система, созданная в Византии, являлась самой совершенной для стран христианской веры. В VII-VIII в. в византийской культуре наступил кризис, длившийся более столетия. Он был связан с иконоборчеством, которое вылилось не только в ожесточенную борьбу против культа икон. Иконоборцы считали, что нельзя изобразить в человеческом облике неизобразяемое – дух, идею. Создаваемые антропоморфные изображения Бога. Христа, Богородицы, ангелов и других небесных сил представляют собой новых кумиров, идолов, возрождающих идолопоклонство. Храмы превратились в «огороды и птичники», т.к. вместо икон, фресок они украсились декоративными мотивами с растениями и птицами. В

результате движения иконоборцев были уничтожены многочисленные изображения Христа, христианских святых, но и восторжествовавшие иконопочитатели также уничтожили декоративные росписи и мозаики, не считаясь с их художественными достоинствами.

Второй расцвет византийской христианской культуры от середины IX до конца XII в. делится на Македонский и Комнинский периоды (по царствовавшим династиям), он получил название классического византийского стиля.

Эта совершенная художественная система в период своего классического расцвета была перенесена с принятием христианства на восточнославянскую почву вместе с книжной культурой и книжным языком. Восточные славяне очень быстро адаптировали весь христианский комплекс и сделали его функционально своим. Подготовленность восточных славян к восприятию утонченной красоты, благодаря культу природы, принимавшим и поэтические фольклорные формы, послужила основой для приспособления новых форм к восточнославянской культуре. Адаптация архитектурного и изобразительного комплекса происходило по аналогии адаптации книжного старославянского языка к живой восточнославянской речи. По образному выражению Н.А. Мещерского, «процесс образования литературного письменного языка в X-XI вв. может быть уподоблен прививке плодового дерева. Дичок, подвой, сам по себе никогда не мог бы развиваться в плодоносящее благородное растение. Но опытный садовник, сделав в стволе подвоя подрез, вставляет в него веточку благородной яблони, привой. Она срастается с дичком в едином организме, и дерево становится способным давать драгоценные плоды» [3, с. 40]. «Усвоить принципы византийского искусства старались буквально во всех странах, но далеко не всем это было под силу. Киевская Русь сумела блестяще решить эту задачу. Она не только сделала византийское наследие своим достоянием, она дала ему глубокое творческое претворение, целиком подчинив тем новым задачам, которые стояли перед ее художниками» (Лазарев В.Н.: 1, с. 73).

Древняя Русь, обладавшая гибкими, разнообразными представлениями языческого мировоззрения, определявшего место человека в системе народного знания, была не только подготовлена к восприятию новой религии, но и оплодотворила и обогатила христианские идеи живым народным творчеством, благотворно отразившимся на

развитии христианского мироощущения восточных славян и всего культурного просветительного комплекса.

Включение византийской, и прежде всего христианской, культуры в культуру Древней Руси осуществлялось в нескольких направлениях, взаимосвязанных друг с другом. Этот культурный комплекс возник одновременно, подчинялся в своем развитии единым закономерностям и служил единой цели – постижению человеком своего Творца и всего мироздания.

Создания христианского культурного комплекса началось с крещения Руси. Для великокняжеской власти христианство стало оптимальной формой выражения тенденции феодализации Киевской Руси, так как оно воплощало богоустроенность верховной власти, единобожие, учение о ценности человеческой личности, национальное и нравственное самосознание и понимание исторического равноправия русичей с другими народами.

Нравственный аспект христианизации славян. С введением христианства началось приобщение русичей к царству благодати, сложилось представление о новом типе нравственности – духовной святости, понимаемой как «сверхчеловеческое благодатное состояние», когда происходит духовное возрастание, проявляемое в творчестве, отношении между людьми и миром [4, с.9]. Это благодатное возрастание стали называть «святостью», высшей духовной ценностью на Руси, а ее носители, лучшие люди Руси, просветленные верою и избравшие для подражания жизнь Христа, проявлявшуюся в неусыпном труде, нравственном и физическом, открытости для любви, бескорыстия, сочувствия, милосердия во имя становления идеального мира на земле, который они ощущали в себе, стали называться святыми, а носителем соборного образа святости стала Святая Русь. Уже в XI в. складывается идеальная парадигма духовного поведения христианина, которая проявлялась прежде всего в монастырской жизни: неустанные молитвы, духовное пение, умерщвление плоти, очищение души через покаяние, пост, физический труд, писательская деятельность [4, с. 276]. Именно такой жизненный подвиг монахов с большой наглядностью и убедительностью раскрывает «Житие Феодосия Печерского». Новообращенные русичи-христиане, которых Повесть временных лет называет «новыми людьми», были проникнуты верою и необыкновенным оптимизмом скорого наступления на земле нового идеального царства

Христово, царства света, любви, благоденствия. Именно поэтому такой всеобъемлющий свет, цвет, эмоциональная приподнятость, радость исходит из «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона, «Слова ... по Пасце» Кирилла Туровского, мозаик Киевской Софии и Михайловского монастыря и других произведений словесного и зрительного ряда Киевской Руси XI-XII в.

Христианское учение помогло развить национальное самосознание древних русичей (*Не в хуе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но въ Русской, яже ведома и слышима есть всеми концы земли*: «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона) и стало нравственной основой самовоспитания, самоусовершенствования человека. И не случайно одной из заслуг Владимира Святославовича при его канонизации считали не только распространение христианского просвещения на Руси (*по всеи земли своеи поставивъша и утвердиста веру*) [4, с.373], но и его собственное изменение под влиянием христианского учения. Сам князь в период жизни во Христе показал, как может духовно перерождаться человек, следуя идеям христианства. Именно с XI в. начинается отсчет духовных поисков, духовных устремлений восточных славян, которые с таким единством и поразительным разнообразием одновременно с внутренним единством проявлений, раскрывала и раскрывает древнерусская и современная литература восточных славян.

Христианизация древнерусского языка. Принятие христианства на Руси отражается и на древнерусском языке. Начинается процесс его медленной христианизации. Он проявляется в заимствовании целого пласта чужеземных слов, связанных с ключевыми понятиями религиозного учения (*церковь, храм, литургия, заупреля, евангелие* и др.), в семантическом обновлении исконных слов для выражения новых понятий (*торжество*: «торг», др.-рус. и «праздник», слав.; *тварь*: «украшение», др.-рус. и «творение Бога», слав.; *целовать*: «целовать», др.-рус. и «приветствовать», слав. и др.), с существенным преобразованием старой денотативной сферы. Христианизация языка провильась и в фольклоре. Язык современных фольклорных форм сохраняет христианские фрагменты, топонимы, имена Христа, Богородицы и других небесных сил.

Возникновение литературного языка. Одновременно с приобщением древнерусского языка к новой культуре возникает на Руси и книжный литературный язык,

старославянский в своей основе, обслуживающий эту культуру. К началу XII в. старославянский язык адаптировался к живому древнерусскому языку, по образному выражению Н. Мещерского, стал жизнеспособным привоем на благодатном древнерусском подвое и превратился в богатое плодоносное дерево – церковнославянский язык восточнославянского извода. Он включил в себя в качестве нормативных фонетические и морфологические признаки древнерусского языка (непоследовательное использование носовых графем, видоизмененные рефлексy *dj, *zgj, *zdj, *tj, *kt, усвоил книжное произношение фрикативного [ʒ], последовательное написание ъ, ь, усвоил древнерусские форму дательного падежа прилагательного –ому/-ему, творительного падежа существительных мужского рода –ъмь и др).

И как бы ни определялись целыми поколениями лингвистов истоки восточнославянских литературных языков, не подвергается никаким сомнениям взаимозависимость, амбивалентность церковнославянского и древнерусского начал в литературных языках восточных славян. Более того, в последние десятилетия все четче утверждается мысль о том, что до конца XVII в. русским литературным языком был церковнославянский, история церковнославянского языка, по существу, является историей русского литературного языка донационального периода. Кирилло-Мефодиевская традиция, сохранившаяся в русском литературном языке в течение его тысячелетней истории, является одним из неиссякаемых источников его внутреннего саморазвития и обновления, что подтверждает истинность мнения о важности чтения книг церковных для русского языка (В.К.Тредиаковский, М.В. Ломоносов), понимания церковнославянского языка как гаранта процветания русского литературного языка: *«русский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен»* до тех пор, пока *«церковь Российская славословием божиемъ на Славянском языке украшаться будет»* (5, с. 277). Именно пониманием двухмерности, двусоставности современного русского литературного (славенороссийского) языка объясняется настойчивые рекомендации ведущих языковедов XIX в. сохранить преподавание церковнославянского языка в школах Российского государства.

Возникновение школьного образования. С именем Владимира связано не только введение на Руси христианства, но и создание школьного образования. Христианство

предполагает наличие грамотной паствы, поэтому при Владимире, были открыты школы, началось изучение книжного языка. Школы появлялись одновременно с новыми епархиями. Наиболее ранние из них и ранние школы были открыты в Киеве, Новгороде, Ростове, Курске, Турове, Пинске, Слуцке, Мозыре, Минске и др. городах. Старославянский язык сразу воспринялся русичами как кодифицированная, нормативная, правильная разновидность родного языка (*в онии времена услышати глусии словеса книжняя и ясенъ будетъ языкъ гугнивымъ*) [2, с. 134]. Сначала детей отбирали «у нарочитой чади», и родители сопротивлялись обучению детей грамоте (*поимати у нарочитой чади и даяти на ученіе книжное, мати чадъ сих плакахуся по них бо бяху ся не утвердили верою, но аки по мертвецы плакахуся*) [2 с. 132] и даже в Ростове чуть не убили епископа Леонтия. Сначала школы имели миссионерский характер, в них учились взрослые и дети, со временем появились «учительные люди» – священники, дьяконы, дьячки. Была определена цель книжного просвещения (прежде всего чтение и пение сакральных текстов), круг учебных книг (Псалтырь, Апостол, часослов) и методика. Основной дидактический прием обучения – повторение. К началу XIII в. традиция обучения грамоте по складам стала общепринятой, о чем свидетельствуют берестяные грамоты мальчика Онфима (№199-210) [6, с.21]. Учили азбуку, часослов, псалтырь, апостол до XVII в. Ученики выучивались чтению по складам: *и рцы, **буки азъ**: таже сотвори препятіе гласомъ или отдохновеніе и рцы слогъ **ба**, паки ина два письмена совокупи, сице **веди азъ** и паки соделай препинаніе гласа: таже рцы слогъ **ва**, сице треписменныя слагай **словолюдиазъ**, и стани: : таже рцы слогъ **сла**, паки слагай **веди люди ю**: и рцы **влю**, по семь глаголи все реченіе **славлю**, тако и прочее по сему учи* (Епифаний Славинецкий), затем заучивались тексты наизусть (Псалтырь). Ресурсы русского языка способствовали пониманию церковнославянских текстов. Процедура обучения чтению была регламентирована, сакрализована, до и после учения читалась молитва, советовали учить прилежно, читать и говорить неспешно [6,с. 21] Епископ Михаил в Степенной книге XVI в. приводит основные рекомендации, дидактические принципы работы с детьми, которые сохранили свою актуальность и до нашего времени: «*Учити же ихъ не яростію, ни жестокостію, ни гневомъ, но радостовиднымъ*

страхомъ и любовнымъ обычаемъ и сладкимъ проученіемъ и ласковымъ расужденіемъ, противъ коегождо симъ и со ослабленіемъ, да не унываютьъ». И в начале XXI ст. эти рекомендации звучат необыкновенно актуально, оставаясь во многом недостижимым образцом школьного образования.

Возникновение литературы. Через несколько десятилетий после принятия христианства в Древней Руси появляется оригинальная литература. Ярослав Мудрый в 1037 г. собрал «писцы многи», открыл школу переводчиков, которые перевели на старославянский язык около 30 книг разных жанров, религиозных и мирских: «Хроника» Георгия Синкелла, «История иудейской войны» Иосифа Флавия (исторические сочинения), «Христианская топография» Козьмы Индикоплова (географическое сочинение), «Александрия», «Повесть об Акире премудром», «Девгиниево деяние» (повествовательная литература), «Житие Василия Нового» (житийное сочинение), «Откровение» Мефодия ПатАрского (апокриф), «Исповедание веры» Синкелла (богословско-догматические сочинения) и др. В результате переводов вырабатываются орфографические нормы старославянского языка, адаптированного к живой восточнославянской речи, и сам язык обогащается лексико-фразеологическим составом, греческими кальками, синтаксическими и лексическими, расширяет свои словообразовательные возможности и изобразительно-выразительную систему. До сегодняшнего дня отсутствуют критерии, которые однозначно позволяют отнести данные произведения к переводам, выполненным на восточнославянской почве или переписанных древними русичами с болгарских оригиналов (А.И. Соболевский лексический признак атрибуции текстов: *село* др.-рус. – *поле* юж.-слав., *шелк* др.-рус. – *свила* юж.-сл., *уксусъ* др.-рус. – *оцетъ* юж.-сл. и др.). В результате переводов расширяются не только жанры древнерусской книжности но и появляется оригинальная литература.

Отсчет восточнославянской книжной словесности начинается с 40-х г. XI в., с момента появления первого оригинального произведения – «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона, причем оно сразу стало вершинным явлением в восточнославянской литературе, отметившим и определившим ее дальнейший путь как в художественно-эстетическом, так и в религиозно-идеологическом плане. Композиционная организация Слова в виде переплетения

своего и чужого (цитатного слоя) заполняет все пространство текста с виртуозной гармонией, в ней отражается «индивидуальный дар индивидуальных вариаций», виртуозность мозаичной техники, которую проявляет «гений от композиции» [4, с. 264]. Изысканная поэтическая техника пронизывает все уровни произведения. Сам принцип соединения любых элементов отражается как в синтагматических, так и в парадигматических структурах текста. Трехуровневая система символических оппозиций: свобода - рабство (Сарра – Агарь, Исаак – Измаил), христианство – язычество (Христос – распятие – пир у Авраама), новое – старое (новые христиане – старые христиане, Русь – Византия) вкладывается в общую антитезу Благодать – Закон. Все переливается в сияющем, сверкающем, радостном колорите Слова: *градъ ... величствомъ вияющъ, украшен ...всякою красотою, золотомъ, серебром и каменѣмъ драгымъ, церкви цветущи, иконами освещаеми, блистающи* и т.д. В Слове передано восприятие христианства как духовное освобождение, придающему верующему нравственность свободного человека. Семантическая, формальная и поэтическая структура Слова характеризуется динамической ярусной иерархией ритмико-интонационного, фонетического уровня организации отдельных частей текста, написанных молитвенным стихом или кондакарным, носящих свободный несиллабический стих [4, с.122], синтаксическим параллелизмом как общим организующим принципом текста, наличием в начале стихов особых ритмических сигналов, прежде всего в виде императива и локатива [4, с. 320]. В сложном сочинении объединены три основные жанровые компоненты: проповеди, жития, молитвы.

«Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона очень высоко оценил Слово Иллариона Е. Голубинский: оно «есть самое блестящее ораторское произведение, самая знаменитая и безукоризненная академическая речь. По качествам и достоинствам оно может быть сопоставлено только со Словом о полку Игореве, хотя в сущности не имеет с ним ничего общего. Сочинение относится к загадочным явлениям». Уже к середине XI в. в Древней Руси образовалась прослойка высокообразованных людей, потому что автор Слова ориентировался на слушателей и читателей, «насытивъшихся сладости книжныя».

Книжный язык, школа, литература стали базой, основой вербального способа постижения, откровения непостижимого и духовного освобождения человека, его нравственного саморазвития.

Новые формы искусства. Одновременно с появлением книжной культуры и просвещения происходит перенесение на древнерусскую почву и последующее развитие других способов и каналов постижения христианских истин. Новые формы искусства: храмовое зодчество, мозаика, иконопись, стенопись, церковная музыка – представляли зрительный и слуховой ряды, служащие идее христианского просвещения. Создалась единая мощная информационная и эстетическая система воспитания и просвещения человека-христианина. Красоту слова, зрительного и музыкального ряда, раскрывающих основы христианской жизни, глубоко понимали древние русичи.

Единство христианского культурного комплекса, созданного восточными славянами в XI - начале XII в., подтверждается и общими закономерностями его развития. Стиль зодчества, искусства, литературы этого времени носит название исторического монументализма [7; 8, с.129]. Именно в XI в. строятся огромные общесоборные пятинефные храмы в Киеве, Новгороде, Полоцке. Огромные размеры зданий, отсутствие дробного пластического декора, колоссальные плоскости стен, многочисленные фасадные ниши составляют релевантные элементы архитектурного стиля исторического монументализма. В «четверичной» структуре храма отразилось символическое представление о мире в его пространственно-временном осмыслении. Одновременно создаются монументальные мозаические полотна, фрески и иконы, характеризующиеся сложной техникой исполнения. Появляются жанры: легендарно-исторический жанр, разрабатывающий евангельские образы и события, собственно исторический, отражающий реальные события русской истории, персональный, житийный, патристический, проповедь, молитва жанр (в искусстве – святительный чин Софии Киевской, «портреты» князей изяславской княжеской линии, в литературе – портреты князей Бориса и Глеба, первые летописи и жития князей, миниатюры «Хроники» Георгия Амартола и Радзивилловской летописи).

Трактовка образа человека. Центральным моментом стиля исторического монументализма является трактовка образа человека в трех аспектах: психологическом,

гражданском (этическом) и историческом (социальном). Христианский догмат о воплощении Христа ставил образ человека чрезвычайно высоко. В мозаиках, иконах, фресках, житийных портретных зарисовках человек раскрывается в возвышенных надмирных формах. Ему присуща масштабная выразительность. Мозаичное изображение Марии-Оранты в апсиде Софии Киевской имеет высоту 5,45 м., оплечного Панкратора в куполе – 4 м., апостолов в барабане – 3,5 м., апостолы Михайловского монастыря – 3,5 – 2,3 м., размеры иконы святого Георгия из Георгиевского монастыря в Новгороде составляют 2,30 м. высоты и 1,42 м. ширины, Ярославской Оранты – 1,94 м. (Для сравнения: эталон роста и физической красоты русских солдат в начале 19 в. в Семеновском и Преображенском полках составлял 1,82 м.).

Высокий принцип антропоморфизма, отразившийся в раскрытии образа человека, проявляется в изображении фигуры: фронтальное, реже профильное, развернутость, прямообращенность на зрителя, торжественно замедленный ритм движения, линии-ленты, членившие изображение на спокойные плоскости. Такой подход к раскрытию человека передавал ощущение торжественности, пространственной широты, временной длительности, постоянства, эпичности, историзма.

Цель, которую преследовали книжники и художники при изображении человека, сохранение внушительности человеческого образа, который воспринимается как величественное, торжественное творение, человек мужественный и красный, причем под словом красный понимается не только физическая красота, не столько эстетический, сколько этический, нравственный смысл, освещение «прекрасноблагодатью». В древнерусской эстетике общенародный идеал духовной и физической красоты человека был родственен античной калокагатийности. В литературе XII в. такой портрет представлен в «Житии Бориса и Глеба»: *«О Борисе; какъ беѡ възърѡмь. Сѡ убо благоверный Борисъ, благо корене сый, послушливъ отцю бе, покаяся при всемъ отцю. Тельмъ бѡяше красенъ, высокъ, лицемъ кругльмъ, борода мала и усъ, младъ бо бе еще, светяся цесарьскы, крепкъ тельмъ, всячьскы украшенъ, аки цветъ въ уности своеи, въ ратьхъ храбръ, въ съветехъ мудръ и разумьъ при всемъ, и благодать божия цвьтяше на немъ»*.

Возникает образ совершенного человека красивым физически с развитым телом, послушного старшим (отцу)

храброго воина, мудрого, разумного в делах, осененного Божьей благодатью, т. е. образ человека, поступающего в жизни по принципу долга, как должно, неспособный на злые поступки. Вместе с тем портрет имеет несколько обобщенный характер, в котором «приглушены» индивидуальные черты.

Следствием принятия христианства в качестве официальной религии Древней Руси в 988 г. стала трансплантация всего христианского и частично светского культурного комплекса Византии, самой мощной культуры Среднеземноморья, и вхождения Киевской Руси с сферу византийской культуры. Русское народное начало внесло в византийскую традицию добрые, жизненные устремления. «По сравнению с византийским искусством русское искусство *несравненно демократичнее*. В нем гораздо настойчивее пробивается *народная струя*, его *формы менее отвлеченны и более полнокровны, воплощаемые им идеалы, утратили византийскую строгость и суровость*. Столь сильно выражаемый в восточном христианстве момент пассивной созерцательности уступает место на Руси более *эмоциональному и лирическому подходу к религии*. Ослабление аскетического начала выразилось в усилении яркости радостных, звонких красок, в смягчении ритма линий, в умиленности добрых ликов, в интимизации «интимный: сокровенный, душевный, глубоко личный» - Л.М.) образа божества. Под личиной византийских форм русские люди сумели прозреть их *греческую, эллинистическую сердцевину* и сумели блестяще использовать последнюю в создании того нового художественного мира, который при всей своей преемственности от Византии, является глубоко оригинальным творением русского народа» [Лазарев В.Н.: 1, с. 87].

Христианский комплекс, возникший в Древней Руси в XI-XII в., остается непревзойденным и загадочным явлением, т.к. он сразу, спонтанно представил во всех своих формах высочайшие образцы духовного творчества, сохранивших актуальность в художественно-эстетическом и идеологическом развитии культуры русских, белорусов и украинцев. Эта единая, мощная информационная и эстетическая система воспитания и просвещения человека-христианина и в настоящее время может остаться мощным источником активизации духовной жизни восточных славян. Перенесение всего культурного христианского комплекса на

древнерусскую почву избавила культуру восточных славян «от медленного усовершенствования времени» (А.С. Пушкин).

Литература

1. Любимов Л. История древнерусского искусства. – М., 1996.
2. Памятники древнерусской литературы XI – начала XII века. М., 1978 .
3. Мещерский Н.А. История русского литературного языка, - Л.: ЛГУ, 1981.
4. Топоров В.К. Святость и святые в русской духовной культуре. – М., 1995. Т. 1.
5. Ломоносов М.М. О пользе книг церковных в российском языке // С.П. Обнорский, С.Г. Бархударов. Хрестоматия истории русского языка. Ч.1, вып. 2, М., 1948.
6. Живов В. М., Язык и культура России XVIII в.: Культурная и языковая политика и их рецепция. – М., 1996.
7. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII вв. М., 1973;
8. Вагнер Г.К. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М., 1987.